

ВЫЗОВЫ И РИСКИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ. СЕМЬ ТЕЗИСОВ

ЯНИЦКИЙ Олег Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Россия (oleg.yanitsky@yandex.ru).

Аннотация. Современная глобализация – динамичный и противоречивый процесс, отмеченный ростом геополитических конфликтов и глобальных рисков. Опираясь на исследования российских и зарубежных теоретиков и опыт собственного участия в ряде международных проектов, автор пришел к следующим выводам. Глобальный риск является сегодня неотъемлемым признаком современной эпохи. Сконструированные человеком неопределенности, неожиданные последствия и возникновение «гибридной реальности» нарушают мировой порядок. В этих условиях сложившиеся правила игры не годятся и замещаются ручным управлением в форме бесконечных цепей переговоров и временных соглашений. «Границы» между обществом и природой более не существует. Современный мир есть сверхсложная социобиотехническая система (далее СБТ-система) с двумя противоборствующими началами: сетевой и территориальной организацией социальной жизни, которые имеют общий знаменатель – метаболические процессы, в форме обмена информацией, веществом, энергией, людскими ресурсами и т.д. Вмешательство геополитических сил трансформирует их, возникают критические ситуации с выделением энергии распада (вынужденная миграция, «мертвые зоны»). Изучение современной глобализации требует междисциплинарного подхода. Преобладание технократического подхода есть экзистенциальный риск, чреватый потерей всего культурного наследия человечества и способности людей к творчеству.

Ключевые слова: глобализация • агенты социальные • виртуальный мир • «гибридная реальность» • критическая зона • метаболизм • риск • СБТ-система

DOI: 10.31857/S013216250003745-2

Введение. Вызовы современного этапа глобализации характеризуются ростом геополитических конфликтов и глобальных рисков, борьбой унифицирующих и национально-ориентированных трендов, гибридными войнами и социально-сконструированными «горячими точками». В научный оборот понятие «риски глобализации» ввел У. Бек (1999), который трактовал это понятие как неотъемлемую характеристику эпохи постмодернизма. Вот ее ключевые характеристики, которые в течение последующих 15 лет получали эмпирическое подтверждение. «Концепция общества риска... характеризует его специфическое, промежуточное состояние между безопасностью и разрушением, в котором восприятие угрожающих <ему> рисков определяет мысль и действие». И далее главное: «...риски суть тип виртуальной реальности, реальной виртуальности», и люди являются потребителями образов этой реальности. В рамках этой концепции никогда нельзя «вычислить» наихудшее из возможных последствий. Риски всегда нечто среднее между фактами и ценностными суждениями. Это означает, что понятие риска может быть расшифровано как некоторое междисциплинарное и поэтому «конкурентное» отношение, так как оно в равной мере предполагает технический прогресс и приверженность существующему культурному восприятию действительности и его нормам [Beck, 1999: 135, 136, 138].

Концепция риска «изменяет отношения между прошлым, настоящим и будущим, причём это будущее есть нечто конструируемое и воображаемое. Отсюда возникает социологически значимое различие между рисками принятия решений одними и их последствиями для всех других. «Конструкция безопасности и контроля, доминировавшая... на начальном этапе модернизации, становится фиктивной в эпоху глобального общества

риска. Сформировался новый тип отношений, именуемый «сконструированными неопределенностями». Но, очевидно, что в отличие от научного знания восприятие является контекстуальным и социально сконструированным. Поэтому риск – это способ, посредством которого общество наблюдает, описывает, оценивает и критикует собственную сложность» [Beck, 1999: 146, 147]. Мировые финансовые рынки являются источниками глобальных рисков высшей опасности. Замечу, что именно европейские и российские социологи создали основы теории глобального общества риска [Бауман, 2004, 2008; Bauman, 2017; Beck, 1999; Irwin, 2001; Latour, 1992; Bringel, Domingues, 2015]. Позже они были развиты российскими социологами [Кравченко, Красиков, 2004; Кравченко, 2018; Яницкий, 2003; 2018].

Вызов существующей концепции управления. В научной литературе сам факт управления все реже трактуется как конечный акт «принятия решения», поскольку он не соответствует сложной процессуальной динамике «гибридных» систем. Практика «принятия решений» существует в международной политике, но она каждый раз сопровождается длинным «шлейфом» переговоров, поправок, уточнений и т.п.

Реальное управление глобальными процессами все более осуществляется посредством тайных переговоров или явных угроз, неожиданных «превентивных» ударов или других форм публичной демонстрации силы, а также посредством управления общественным мнением. Еще недавно концепция управления посредством «мягкой силы» была господствующей. Но сегодня США и НАТО перешли к прямым действиям в отношении своих союзников и противников (ввод войск, санкции, ракетные удары) с последующим тиражированием подобных актов устрашения через СМИ. Западные медийные магнаты управляют мировым общественным мнением посредством двух главных инструментов: переключением общественного внимания, в частности, сокрытием одних фактов, и массовым тиражированием других, «перепрограммированием» контента [Arsenault, Castells, 2008]. Медийные факты и есть «сконструированные неопределенности» и «неожиданные последствия», о которых говорилось выше. Сегодня не прошлое, а именно восприятие массовым сознанием социально сконструированных фактов детерминирует поведение глобальных и региональных игроков.

Но если «факты» конструируются, то реальное управление все более переходит в руки массмедиа и их владельцев. Как быть, если соцопросы критически не успевают за ускоряющейся действительностью, а сама она находится под контролем медиамагнатов? Есть два инструмента, позволяющих выйти из этого порочного круга. Один – это непрерывное наблюдение, подобное тому, что осуществляется различными техническими системами. Второй – это использование данных, предоставляемых инсайдерами и очевидцами событий на месте. Но и собранная ими информация также может быть вырвана из контекста или превратно интерпретирована. Тем самым процесс «принятия решений» становится все более неопределенным и вероятностным, а «поле» рискованных решений расширяется.

В глобальной политической жизни и массовом сознании сформировалась опасная триада: «коллажная жизнь» – ее «коллажная репрезентация» – «коллажная политика». То есть политика *ad hoc* преобладает. Как показали выборы президента в США, наиболее эффективным средством завоевания голосов избирателей оказались не массовые опросы, а краткие обращения к массовой аудитории через твиттер. Мнение потребителей все чаще конструируется, продается и покупается, если это кому-то выгодно. Вместе с тем быстротекущий и непредсказуемый характер глобальных перемен, перманентное изменение соотношения сил на мировой арене, быстро возникающие, но недолговечные международные альянсы приводят к тому, что даже у ведущих геополитических игроков нет долговременной стратегии по отношению к процессу глобализации.

Риски СБТ-системы. Сегодня социотехническое освоение природы достигло такой степени, когда количество перешло в качество. Нет больше отдельно природы и общества, есть сверхсложная глобальная СБТ-система, закономерности которой предстоит познавать [Яницкий, 2016]. И здесь обнаруживается теоретический разрыв: ученым еще

предстоит долгий процесс познания, а эта СБТ-система уже оказывает обратное воздействие на человеческое общество посредством климатических изменений, перманентного изменения расстановки сил на глобальной арене, «прорывных» технологий.

Ключевой момент данного перехода – *быстрое распространение и освоение информационно-коммуникационных технологий* (далее ИКТ) всеми институтами общества и всеми слоями населения. Речь идет не об освоении нового инструмента социальной деятельности, но о *перестройке всего глобального организма на сетевых принципах*. Происходит «удвоение» социальной реальности, обостряющее антагонизм между сетевыми и территориально-локализованными социальными структурами.

ИКТ становятся *ключевой проблемой российского общества*, поскольку они изменяют все: методы и формы социального управления, сроки и способы социализации детей и подростков, рынок труда, методы принятия решений и контроль за их исполнением, способы социально-конструктивной деятельности и т.д. Модернизация ИКТ есть одновременно и благо, и источник рисков и опасностей. Население и организации получают невиданный ранее доступ к источникам знания и информации, но одновременно социальный мир становится проницаемым для дезинформации и хакерских атак. Возрастает число и масштаб аварий и катастроф. Поэтому обеспечение безопасности всех видов социальной деятельности сегодня столь же важно, как и доступ к информационным ресурсам. *Обеспечение безопасности общества и человека становится первоочередной социальной проблемой.*

Но управленческие и другие риски могут возникать и как мирный результат внедрения ИКТ. Передача все новых технологических и социальных функций «умным машинам» вызовет резкое сокращение рынка труда, особенно в его малоквалифицированном сегменте. Возникает новое социальное расслоение: разработчики ИКТ и «простой труд» по их тиражированию. Неконтролируемое освоение ИКТ порождает также новые формы социальных болезней (игромания, зависимости, потеря связи с реальным миром). *Всеобщее распространение ИКТ уже сегодня по-новому ставит вопросы образования и воспитания*: эти процессы начинаются в раннем возрасте и становятся непрерывными в течение всей жизни [Büchler-Neidelberger, 2010]. Дети и подростки, используя Интернет и социальные сети, обгоняют старшие поколения в степени информированности и скорости обретения жизненного опыта. Этот когнитивный диссонанс уже начинает перерастать в отчужденность и социальные конфликты между поколениями. Для социологов данный сдвиг означает перенос центра исследовательских методик с опросных методов на изучение траекторий успешных личностей информационной эпохи, их форм адаптации к «удвоенной» реальности.

Конфликт сетевых и территориальных структур. Институциональная неопределенность. Охват мира ИКТ означает, что завершается переход глобальной СБТ-системы на сетевой (поточный) принцип функционирования. Сегодня мир охвачен самыми разными потоками: информации, идей, людей, ресурсов и т.д. Однако территориальный принцип его организации социальной жизни никто не отменял. Мир вступил в период ожесточенной борьбы между двумя фундаментальными принципами организации социального порядка: сетевым и территориальным.

В основе государства и иных социально-территориальных систем также лежат разнообразные сети обмена между качественно различными сущностями: природными, социальными, технологическими. Поэтому я счел необходимым сделать *принцип метаболизма*, то есть перехода одного качественного состояния в другое, принципиальным элементом концепции институциональной организации глобального мира [Яницкий, 2013]. Например, солнечная энергия необходима для существования всего живого, ресурсы природы, трансформируясь в энергию, используются человеком для его развития, в ходе которого создаются новые технологии для дальнейшей эксплуатации природных ресурсов и конструирования социотехнических, биотехнических и других «гибридов» и т.д. Значит, вопрос – не в противоречии этих двух принципов институциональной организации, а в соотношении глобальных и территориальных институциональных систем, в характере их соподчинения.

Все виды метаболических процессов имеют *общий знаменатель: время, точнее, темпоритмы этих процессов и изменений ими созданных*. Главный их регулятор – законы природы и ИКТ. Но в одних случаях действительно происходит ускорение передачи информации, финансовых или других ресурсов, сокращение «подлетного времени» ракет, тогда как другие виды трансформационных процессов детерминируются биологическим или биохимическим временем. Другой важный аспект – это *собственно социальный метаболизм*: обеспеченные и образованные люди чаще и быстрее перемещаются по миру, тогда как бедняки и малоимущие годами и десятилетиями прикованы к одному месту. В результате разрыв между сетевыми и территориально-организованными системами воспроизводится, и социальная напряженность растет.

Если скорость и темпо-ритмы метаболических трансформаций все время нарастают, то в сложном обществе очень трудно предсказать их последствия. Если некоторые глобальные тренды, обусловленные необходимостью постоянного поступления ресурсов жизнеобеспечения или ограниченные нормами международного права, еще можно как-то прогнозировать, то последствия атак невидимых одиночек (хакеров, бомбистов и т.п.), рассеянных по всему миру, прогнозировать невозможно. Говоря теоретически, если время на принятие решений и тем более на изменение политического курса страны или союза все время сокращается, то *риск негативных социально-политических трансформаций* увеличивается. Лица, принимающие решения, не могут думать так же быстро, как машины. Остается один выход: поручить этот процесс машинным системам.

У процесса постоянно меняющихся политических предпочтений и векторов есть другая сторона: *институциональная неопределенность*. Международные и национальные политические институты конкурируют за право решать глобальные проблемы. Вследствие растущей сложности последних предсказания возможных рисков и траекторий их динамики, социальные силы концентрируются не на предупреждении этих угроз, а на ликвидации их последствий. Тем более если тот или иной риск инсценируется, то есть политически конструируется. И еще чаще, если необходимо отвлечь общественное мнение от политических неудач или поражений. Пример, если в ходе освобождения Алеппо (Сирия) было создано несколько гуманитарных коридоров, то в Мосуле, осада которого силами мощной международной коалиции под эгидой США шла несколько месяцев, ни одного гуманитарного коридора! Принцип необходимости совместно выступать в защиту пострадавшего, одобренный мировым сообществом еще в 2005 г., не соблюдается. Как не соблюдается и принцип пропорциональности «ответа» на агрессию или другие незаконные действия в отношении государства или сообщества, подвергшихся нападению.

Кибератаки и кибербезопасность также никак не регулируются международными документами. А ведь кибератака это рассеянный риск, не поддающийся прогнозированию. Все чаще в политической практике действует принцип «размена», то есть фактически принцип купли-продажи, принятый в бизнесе. Тем самым, *глобальная политика все более превращается в бизнес*, которая регулируется не общепринятыми нормами, а коммерческими интересами.

Причина такой трансформации та же: делать прогнозы в постоянно меняющейся глобальной ситуации – дело долгое, затратное и политически неприбыльное. А силы, которые можно бросить на пропаганду и оправдание принимаемых экстренных мер в данном месте, всегда наготове. Возникшие десятки лет назад конфликтные ситуации по сей день остаются нерешенными. Обычно такие конфликты называют «замороженными», в лучшем случае время от времени между противоборствующими сторонами возобновляется переговорный процесс, но он быстро затухает и конфликт остается неразрешенным. Наличие в мире множества таких конфликтов, то есть узлов институциональной неопределенности, становится политической нормой современного этапа процесса глобализации.

Узлы напряженности и конфликтов, критические состояния и энергия распада.

Причина возникновения таких узлов очевидна: конфликт периодически меняющихся интересов глобальных игроков. Речь идет, прежде всего, о доступе к дефицитным ресурсам и

расширению сферы политического доминирования. Они могут носить как территориальный (города, средоточия коммуникативных связей, участки техногенного ландшафта, вулканы и другие природные зоны с высоким риском), так и экстерриториальный характер (борьба верований, идеологических предпочтений и политических доктрин).

В итоге передел мира продолжается во все более ускоряющемся темпе. Здесь мы сталкиваемся с двойным геополитическим феноменом. С одной стороны, в мире существует множество нерешенных социальных проблем, которые находятся как бы в «спящем режиме». Они раздражают политиков и общественность, но их можно терпеть. С другой стороны, как только заинтересованные стороны декларируют необходимость «окончательного» разрешения конкретной конфликтной ситуации, политическая напряженность тут же возрастает в разы. Так было с вопросом о Тайване, о Восточном Тиморе, Курилах и т.д. Если добавить еще и согласованные «дорожные карты», одной из которых являются, например, Минские соглашения, они, как ни парадоксально, становятся дополнительным яблоком раздора. Политика санкционного давления лишь усиливает «сконструированную неопределенность», экономические связи дезорганизуются, мирное население покидает насиженные места, что ведет к новому витку ослабления сложившегося мирового социального порядка.

У геополитических конфликтов есть и другая причина. *Глобальный охват мира ИКТ разделил социальный мир на реальную и виртуальную сферы бытия.* Круг общения людей, групп и организаций резко расширился. Вместе с тем с развитием медиа появилась возможность манипуляции фактами и мнениями о причинах возникновения конфликтов и ответственности за них. Конструирование ИКТ открыло дорогу «инсценированию» рисков и угроз, то есть подмене реальных фактов социально-сконструированными. Более общий вывод (и источник повышенных рисков) заключается в том, что «власть социального факта» уступает место «власти социально-сконструированного факта», то есть их конструирование становится инструментом глобальной политики. Соответственно изменяется и соотношение традиционных социальных институтов и массмедиа, политический вес последних все время возрастает.

Одни конфликты как-то разрешаются, другие «замораживаются», третьи переходят в критическую стадию. Под критическим состоянием некоторого социального субъекта я понимаю его положение в процессе необратимой деградации. Иными словами, речь идет не просто о некоем кризисе или «архаизации» сложившегося способа общественного производства, но о его состоянии именно на грани распада.

Основная характеристика критических состояний – подчинение всей социальной жизни субъекта (города, региона) темпоритмам данной критической ситуации (военные действия, природная или техногенная катастрофа, тотальная безработица, изоляция сообщества от внешнего мира). То есть их жители не подчиняются привычным для них ритмам труда, отдыха и жизни в целом (смена дня и ночи, работы и отдыха, общения, учебы), поскольку целиком зависимы от хода катастрофы или военных действий. Совокупный социальный и человеческий потенциал населения резко снижается. Меняется и социальная структура населения, она тоже подчинена давлению ситуации извне: одни жители теряют работу, другие богатеют, занимаясь контрабандой, третьи наживаются на недостатке лекарств, перевязочных средств, продуктов питания, четвертые мигрируют и т.д. Поэтому такая критическая ситуация не менее трагическая и рискованная, чем во времена Холокоста или войны во Вьетнаме. Но бывают и вполне «мирные» критические ситуации, подобно той, в которой оказались жители российских моногородов.

Длительное пребывание человеческих поселений и их жителей в критической ситуации, как правило, завершается разрушением этих сообществ с выделением *энергии распада*. Ее масштабы различны: от деградации, болезней и ранней смерти десятков людей вплоть до межконтинентальных потоков сотен тысяч беженцев и вынужденных переселенцев – вопрос, который до сих пор не имеет политического решения. Замечу, что в отличие от «угасающих» потоков вещества и энергии, описываемых вторым законом

термодинамики, массовый поток мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока превратился в константу политической повестки дня Евросоюза. То же, но в гораздо меньшем масштабе, происходит с потоком мигрантов и временных переселенцев из Украины в Россию и дальше. Соответственно, «управление рисками», генерируемыми этими потоками, политикам приходится вести в реактивном режиме.

Диалектика стабильности и мобильности. Начиная с работы Комиссии ООН по экологии и устойчивому развитию [Brundtland, Khalid, 1987] и до настоящего времени, вышли сотни работ по этой теме. Однако в большинстве из них был сделан акцент не на развитии, а на устойчивости государств и иных социальных систем. Как можно отделить социальную устойчивость от динамики СБТ-систем, когда с начала XXI в. стало очевидно, что мир под воздействием Четвертой промышленной революции непрерывно меняется, а включение в глобальный мир стало императивом выживания? Весь вопрос в том, как включаться, *до какой степени, какова цена вопроса.* Достижение устойчивости стало сложным социальным и политическим процессом, но в любом случае она может быть достигнута только через постоянные изменения. А они означают конкуренцию и инновации во всех сферах общественной жизни.

Как в этой ситуации сбалансировать стабильность и мобильность, примирить множество точек роста и необходимость сохранения устойчивости целого, будь то отдельное государство или глобальная СБТ-система? Как соблюсти этот баланс, когда, с одной стороны, возникли и распространили свою власть по всему миру ТНК, а с другой стороны, для поддержания устойчивости любой системы необходимо разнообразие точек зрения, подходов, социальных общностей и природных условий? Наука пока не дала ответа на этот вопрос. «Свободный рынок» не примиряет конфликтующие точки зрения и интересы.

Что можно сказать определенно сейчас? Первое, сетевая структура СБТ-систем подчиняется законам капиталистического рынка. Значит, эти сети выстраиваются не автоматически: к одним доступ навязывается и он достаточно прост для массового потребителя, к другим – ограничен и требует ресурсов и специальных навыков. Здесь есть еще один и очень серьезный социокультурный риск, порождаемый переходом на *цифровой язык.* Поэтому доступ к этим сетям есть одновременно социальный ресурс индивидов и средство управления ими. Второе, под воздействием ИКТ меняется все: институциональная и социально-профессиональная структура общества, геополитика, уклад и образ жизни, тип личности и формы ее идентификации. Меняется «социальный вес» различных агентов социальной, природной и технологической активности. Микросубъекты активности могут производить макроэффекты. Все эти перемены одновременно являются источниками новых рисков и требуют новых научно-технических средств управления ими.

Третье, непредсказуемость глобальной динамики сильно усложняет задачу нахождения баланса между стабильностью и подвижностью, поскольку одно дело теоретическая доступность глобальных информационно-коммуникационных систем, а другое – их реальная, инфраструктурная доступность, детерминированная социальным положением индивида, его образованием, материальной обеспеченностью и т.д. *Сам баланс между стабильностью и мобильностью* становится социальной проблемой. Четвертое, региональные и локальные СБТ-системы находятся между двух огней: необходимостью включения в глобальные сети, а, значит, подчинение их общим стандартам, и необходимостью сохранения социокультурной специфики. Как показывает новейшая история, в течение последних 30–50 лет эти системы испытывали колебательные движения между «универсализацией-унификацией» и тягой к сохранению территориальной целостности и национальной специфики. Поэтому нельзя говорить просто о модернизации, необходимо изучать ее специфику в новых быстро меняющихся условиях. Для России – это завершение Третьей и ускоренный переход к Четвертой промышленной революции.

Пятое, всякая устойчивость создается и поддерживается стабильной системой правовых и иных норм. Однако, чем быстрее меняется глобальная ситуация, тем больше

управление превращается в непрерывный процесс изменения институциональных правил и норм. То есть «стабильным» становится процесс непрерывных изменений.

Шестое, поскольку закономерности динамики глобальной СБТ-системы еще плохо изучены, различные ограничительные меры, направленные на ее стабилизацию (Киотский протокол, Парижский саммит по климату), одобрены далеко не всеми членами ООН. К тому же, глобальной системы всеобъемлющего мониторинга процессов во всех средах планеты не существует. Остаются практически неизученными экономические, политические и социальные трансформации, инициированные нелинейной динамикой глобальной СБТ-системы. Вопрос о ее несущей способности, то есть о сохранении существующих трендов ее эволюции, даже не поставлен. В частности, не исключен вариант изменений каскадного характера, порожденных, например, некоторой космической аномалией. Есть и другой вопрос: способно ли человечество как-то затормозить подобный каскадный процесс? Сам факт информационной плотности СБТ-систем повышает их рискогенность, поскольку повышает риск конфликта сообществ, имеющих разные ценности и цели, и находящиеся на разных ступенях общественного развития.

Информационное производство: экзистенциальная угроза человечеству? В информационную эпоху прошлое постепенно теряет свое регулятивное значение для человека и общества. Обезличенные сетевые структуры приобретают абсолютную власть над человеком. Даже массовые «движения отчаяния», коими по существу были многотысячные миграционные потоки беженцев и вынужденных переселенцев из Северной Африки и Ближнего Востока, не оказали никакого позитивного воздействия на европейскую культуру. Итог: нет больше на планете абсолютно безопасных мест, потому что глобальная «гибридная» война может настичь человека везде.

Пока можно утверждать следующее. Растущая мощь глобальных сетевых систем разрушает территориально-локализованные социальные общности и их уникальные культуры. Тренд господства глобальных унифицирующих «потоков» (вещества, энергии, людей, информации) над территориальными общностями преобладает. Обратной стороной этого процесса является потеря национальных и культурных корней, связи с «малой родиной». Самые разные сферы социальной жизни сегодня быстро перемещаются в виртуальную сферу, которая дает работу, обучает, наставляет, предупреждает, развлекает и т.д. Тем самым, вольно или невольно, получается, что все на земле является ресурсом для виртуальной жизни человека! Другой риск процесса виртуализации состоит в том, что человек не может сохранить идентичность в этом безбрежном и постоянно меняющемся пространстве.

Развитие IT-индустрии создало иллюзию силового превосходства его создателей и пользователей. Что, в свою очередь, породило соблазн решить все мировые проблемы «одним ударом». Или же, с использованием тех же медиа, разделить весь мир на правых и виноватых, жестоко наказав последних. Более того, с развитием этой индустрии растет вероятность «слияния» множества локальных и региональных конфликтов в один глобальный кошмар. Стратегия Третьей мировой войны, разработанная в США, предполагает нанесение превентивного и, главное, *обезоруживающего удара* по вероятному противнику.

Но и без этой безумной стратегии современный мир становится все более чувствительным к малейшим изменениям политики и психологии мировых лидеров. Политические ожидания и прогнозы все чаще строятся не на долговременных расчетах, а на наблюдении за настроением и поведением лидеров международных политических и финансовых институтов. Военно-техническое превосходство часто провоцирует гегемонистские амбиции политиков. Наконец, глобальные медиа все более информируют о политических событиях или масштабных катастрофах, и все менее размышляют о судьбах «маленького человека», попавшего в жернова глобальной СБТ-машины. Такие категории гуманистического образа мышления как чувствительность, сострадание, размышление и рефлексия отдельного человека вытесняются из сферы общественного сознания, замещаясь понятиями, отражающими жесткий конкурентный характер глобального мира.

Императив междисциплинарного подхода. Поскольку социальные структуры и процессы внутри глобальной СБТ-системы интегрируют в себе качественно различные процессы, необходим ускоренный переход к *междисциплинарным методам* исследования, воспитания, образования и работы. Главным ориентиром здесь являются запросы самых разных сфер: производственной деятельности, научного исследования, образовательного процесса, политики и т.д. Междисциплинарные исследования не могут быть ограничены только общественными науками. Такие сферы человеческой деятельности, как медицина, градостроительство, создание сложных биотехнических структур, ресурсных и иных сетей, спасение пострадавших в авариях и катастрофах – все это требует многостороннего образования и разных знаний и практических навыков.

Поддержание глобальной СБТ-системы в рабочем состоянии – актуальная задача комплекса социальных, естественных и технических наук. Но чтобы «управлять» ею, не допуская ее критического состояния, необходимо изучать ее структуру и динамику. Сложность здесь в том, что она имеет нелинейный характер и изобилует неожиданными поворотами и критическими состояниями. Значит, надо создавать международные междисциплинарные коллективы. Для эффективности их работы необходимы доверие, диалог и стремление к взаимопониманию. Такой коллектив желательно создавать в рамках программ межгосударственного сотрудничества. Стимулом к формированию таких коллективов является сама жизнь, а именно перманентно возникающие критические ситуации, в условиях которых междисциплинарные барьеры резко снижаются. Два факта, бюрократический и научный, подтверждают мою гипотезу. Первый – это слияние двух Советов ЮНЕСКО по естественным и социальным наукам. Второй – исследования связей глобальных рисков планеты, а также рисков, возникающих на их пересечении. Такое исследование было осуществлено Международным экономическим форумом в 2008–2018 гг. (The Global Risks Report, 2018¹).

Для междисциплинарного анализа нужны структурные перемены в производстве научного знания, а также новые многопрофильные коллективы и программы для непрерывного обучения и переобучения. Причем, чтобы выйти на мировой уровень междисциплинарного подхода и одновременно обезопасить себя от внешних и внутренних рисков и угроз, необходимо, чтобы подготовка таких кадров опережала текущие запросы производства и социальной жизни. В критических случаях *политика как непрерывный процесс берет верх над управленческими решениями*. Именно поэтому лица, принимающие решения, устанавливают *непрерывную связь в форме «процессуальных решений»* (Минский процесс, серия консультаций и временных договоренностей относительно ситуации на Ближнем Востоке и др.). Очевидно, всеобщая «прозрачность» мира, созданная современными техническими средствами, имеет оборотную сторону: она резко подняла градус недоверия между властными структурами и социальными общностями.

В этой ситуации перед социологическим сообществом возникают следующие задачи. Необходимо установление взаимопонимания между общественными, естественными и техническими науками. Оно достигается при перманентном взаимодействии специалистов разного профиля. Многолетний опыт работы над междисциплинарными проектами по всему миру (Программа ЮНЕСКО «Человек и биосфера», «Экополис», «Сеть спасения тайги», «Реки без границ», «Аварии и катастрофы» и др.) свидетельствует, что такое взаимопонимание достижимо. Интерес к сложным и динамичным системам, *знание азов междисциплинарного анализа должны закладываться с детства*. «Интегрализм» как методический принцип разносторонней социализации (термин П. Сорокина) здесь вполне уместен.

Взаимопонимание между специалистами разных дисциплин резко возрастает в критических ситуациях. Значит, сама социальная практика подталкивает ученых и конструкторов разных специальностей к взаимодействию. В условиях Четвертой промышленной

¹ The Global Risks Report 2018. Geneva: World Economic Forum. URL: www.weforum.org/risks (дата обращения: 25.09.2018).

революции интерес молодого поколения к техническому творчеству резко возрастает, поэтому крайне важно не утратить интерес молодых к сложным формам труда. Более того, речь идет о сохранении таких важнейших качеств русской культуры, как ее универсальность, мастеровитость, способность трансформировать новое научное знание в сложные социобиотехнические продукты. Здесь междисциплинарный подход выступает не как научный инструмент, а как максимально широкое обозначение того, что обозначается термином «бывалый человек». Наконец, социологи совместно с представителями других наук должны разработать инструментарий для перевода трансформаций СБТ-систем на язык социологии и политики, и – наоборот, результатов социологических исследований для их использования в других сферах науки и практики. Как показал опыт сотрудничества по названным выше программам, такое взаимное обогащение вырабатывается в процессе полевой работы.

Выводы. Глобализация в информационную эпоху влечет существенные перемены и вызовы: социальное пространство становится все более интегрированным, темп социальных трансформаций ускоряется, формируется виртуальное пространство, общая динамика мир-системы становится нелинейной и все менее предсказуемой. Меняются ориентиры глобальной политики: *прошлое теряет свое значение, тогда как значение настоящего и ближайшего будущего возрастает*. Сегодня социология глобальных рисков фокусируется на информационных, технологических и экологических аспектах проблемы и их социальных и политических последствиях. Мир входит в период глобальной политики, анализируемой в терминах локально-глобальных конфликтов, их динамики и временных решений.

Соответственно, меняется характер управленческих рисков. Они сегодня все больше социально конструируются. Информационная прозрачность мира повышает градус недоверия между странами и их альянсами. Направленные политические действия лишь усиливают «сконструированную неопределенность». Осуществляется переход от политики «мягкой силы» к политике угроз и санкций и «обезоруживающего удара». В результате акт «принятия решения» качественно меняет характер: он становится быстрым, процессуальным и зависимым от ситуации во множестве конфликтных точек.

Превращение мира в СБТ-систему означает, что все его социальные агенты должны сотрудничать в поддержании всех ее сфер: земли, воды, воздуха, космического пространства и сконструированных человеком социотехнических систем. Это сотрудничество не отменяет конкурентной борьбы различных природных, экономических и социальных сил, но предполагает наличие некоторого *предела этой борьбы*, за которым начинается распад частей глобальной СБТ-системы или ее составляющих с выделением *гигантских масс энергии распада*, которую невозможно конвертировать в прежний социальный порядок. Эта энергия, в свою очередь, нарушает зыбкий мировой социальный порядок и хаотизирует жизнь миллионов граждан по всей планете. Тотальное подчинение социальной жизни техническим системам («умные машины», «умный город» и другие формы интернета вещей) угрожает существованию человеческой культуры. Кто будет решать, какие ее артефакты будут оцифрованы, а какие нет? Т. де Шарден и В. Вернадский создавали концепцию ноосферы как сферу, созданную человеческим разумом, а не с целью превращения глобальной социосферы в технологическую супермашину.

Россию сегодня ожидают два типа вызовов. Один – необходимость ускоренного «перехода на цифру», влекущего за собой трансформацию всей институциональной структуры общества и принципов управления им. В условиях внешнего давления (глобальные риски, санкции и др.) этот переход должен осуществляться комплексно и в мобилизационном режиме. Другой – это социально-психологическая атмосфера в обществе, порождаемая отсутствием четких социальных ориентиров «новой перестройки», неуверенностью в завтрашнем дне, инфляцией, пенсионной и другими непопулярными реформами, растущим оттоком высокопрофессиональных кадров за рубеж, а также – растущей отчужденностью бедных и богатых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Издательство «Весь Мир», 2004.
- Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008.
- Кравченко С.А., Красилов С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004.
- Кравченко С.А. (ред.) Гуманистический поворот: императив человеческой цивилизации. М.: МГИМО-Университет, 2018.
- Яницкий О.Н. Глобализация. Город. Человек. М.: ФНИЦЦ РАН, 2018. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky_Globalizatsiya_gorod_chelovek_final_2018.pdf (дата обращения: 25.09.2018).
- Яницкий О.Н. Метаболическая концепция современного города // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 3. С. 16–32.
- Яницкий О.Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. № 3 (15). С. 5–22.
- Яницкий О.Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.
- Arsenault A., Castells M. Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics // International Sociology. 2008. No. 23(4). P. 488–513.
- Bauman Z. A Chronicle of Crisis: 2011–2016. London, UK: Social Europe Edition, 2017.
- Beck U. World Risk Society. Malden, MA: Polity Press, 1999.
- Brinkel B.M., Domingues J.M. (eds) Global Modernity and Social Contestation. London: Sage, 2015.
- Brundtland G., Khalid M. (eds) Our Common Future. The World Commission on Environment and Development. Oxford, N.Y: Oxford University Press, 1987.
- Büchler-Neiderberger D. Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection // Current Sociology. 2010. No. 58 (2). P. 155–163.
- Irwin A. Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge. Malden, MA: Polity, 2001.
- Latour B. We Have Never Been Modern. London: Harvester Wheatsheaf, 1992.

Статья поступила: 16.04.18. Финальная версия: 05.09.18. Принята к публикации: 26.09.18.

CHALLENGES AND RISKS OF GLOBALIZATION. SEVEN THESES

YANITSKY O.N.

Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Russia

Oleg N. YANITSKY, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Chief Researcher, Institute of Sociology, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (oleg.yanitsky@yandex.ru).

Abstract. Current globalization is a dynamic but contradictory process burdened with the growth of global risks and geopolitical conflicts. Drawing on a review of globalization studies in Russia and abroad and on my own experience gained in the run of some international research projects, the author came to the following conclusions. Global risks are inseparable feature of postmodernity. Man-made uncertainties, unintended consequences and the emergence of a hybrid reality undermine world social order. The existing rules of games were not fit to a 'liquid modernity' and were replaced by a hand-management and the endless chains of talks, temporal agreements and roadmaps making. There are no more definite margins between man and nature. Global world is now a super-complex sociobiotechnical system (hereafter the SBT-system) within which an antagonism between network-based and territorially-localized structures is sharpened. Their common denominator is metabolic processes in the form of exchange of matter, information, energy and human resources. Geopolitical intervention into them provokes the emergence of critical situations accompanied by emanation of giant masses of energy of decay (involuntary migration, 'dead zones'). All in all, the study of current globalization requires an interdisciplinary approach while a domination of an all-embracing technocratic approach is an existential risk fraught with the loss of a cultural heritage of humanity and its creative potential.

Keywords: critical area, globalization, hybrid reality, humanity, metabolism, risk, SBT-system, social agents, social order, virtual world.

REFERENCES

- Arsenault A., Castells M. (2008) Switching Power: Rupert Murdoch and the Global Business of Media Politics. *International Sociology*. No. 23(4): 488–513.
- Bauman Z. (2004) *Globalization. Consequences for People and Society*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
- Bauman Z. (2008) *Liquid Modernity*. Saint-Petersburg: Piter. (In Russ.)
- Bauman Z. (2017) *A Chronicle of Crisis: 2011–2016*. London: Social Europe Edition.
- Beck U. (1999) *World Risk Society*. Malden, MA: Polity Press.
- Bringle B.M., Domingues J.M. (eds) (2015) *Global Modernity and Social Contestation*. London: Sage.
- Brundtland G., Khalid M. (eds) (1987) *Our Common Future. The World Commission on Environment and Development*. Oxford, N.Y: Oxford University Press.
- Büchler-Neiderberger D. (2010) Childhood Sociology – Defining the State of Arts and Ensuring Reflection. *Current Sociology*. 58 (2): 155–163.
- Irwin A. (2001) *Sociology and Environment. A Critical Introduction to Society, Nature and Knowledge*. Malden, MA: Polity.
- Kravchenko S.A (ed.) (2018) *Humanistic Turn: the Imperative of Human Civilization*. Moscow: MGIMO-Universitet. (In Russ.)
- Kravchenko S.A., Krasikov S.A. (2004) *Sociology of the Risk: a Polyparadigmatic Approach*. Moscow: Ankil. (In Russ.)
- Latour B. (1992) *We Have Never Been Modern*. London: Harvester Wheatsheaf.
- Yanitsky O.N. (2003) *Sociology of Risk*. Moscow: LVS. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2013) Metabolic Concept of the Modern City. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 3:16–32. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2016) Sociobiotechnical Systems: A New Approach to Humanity-Nature Interaction. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice]. No. 3 (15). C. 5–22. (In Russ.)
- Yanitsky O.N. (2018) *Globalization. City. Man*. Moscow: FCTAS of RAS. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Yanitsky_Globalizatsiya_gorod_chelovek_final_2018.pdf (accessed 25.09.2018). (In Russ.)

Received: 16.04.18. Final version: 05.09.18. Accepted: 26.09.18.